

Раиса САЕД-ШАХ:

«Мне сделал предложение непальский режиссер, но я не хочу повторять историю своей мамы»

В последнее время Раиса Саед - Шах поет в дуэте с сестрой Фаиной, и для многих само существование Фаины стало новостью. А Раиса Саед - Шах известна давно. У нее в мире эстрады свое, только ей принадлежащее место, которое никем пока быть занято не может — хотя бы потому, что в Рае совсем нет пошлости, а она сегодняшней эстраде свойственна, кажется, уже по определению. Только потому я и рискую именно ей задать вопрос:

— Рая, вам не кажется, что эстрада в какой-то мере отвечает за состояние нравов в нашем обществе? Эстрада активно насаждает то, что всегда считалось если и не вовсе недопустимым, то стыдным: дурной вкус, агрессивную развязность, бесстыдство как манеру общения.

— Я с вами совершенно не согласна. Вы перепутали причину и следствие. Эстрада отражает состояние нравов. А они такими стали не вчера и не сегодня. Просто раньше эстраду пропускали через фильтр худсоветов. И не берусь утверждать, что это сито было вовсе бесполезно: в какой-то мере безвкусицу оно придерживало. Но все равно хорошо, что худсоветов уже нет и каждый, кто может, волен петь и плясать, как хочет. А зритель сам решит, что ему нужно.

— Но бесстыдство и дурной вкус воспринимаются как норма, даже как некий идеал.

— Когда подросток признает идеалом то, что безобразно, — о его воспитании говорить уже поздно. К тому же идеалы у людей в течение жизни не раз меняются. Какой артист вам нравился, когда вам было четырнадцать лет?

— Рашид Бейбутов...

— Вот видите. Разберутся люди. Они же и хорошую эстраду видят — хотя бы по «Европе - плюс». То, что происходит у нас, происходило во всем мире.

— Вот вы сказали про «Европу - плюс». Западные звезды вроде и одеты смело, и двигаются, не шибко стараясь понравиться. Но я же вижу: то, что они делают, — надо уметь. А когда глядишь на наших, прикидываешь: разрешила бы или нет своей дочери так себя вести? Единственный критерий качества — «крутой» или не «крутой»...

— И опять я с вами не согласна. У нас много артистов мирового уровня. А слово «крутой» очень емкое и выразительное.

— Мне-то кажется, что вы — не «крутая». Вы изящная, как были изящны барышни из хороших семей. Вы поете песни на слова настоящих авторов — Ахматовой, Самойлова, Межирова, Левитанского. Да, вы поете и рэп. Ваши юбочки порой очень коротки. Вы лихо плясаете. Я гляжу ваши записи — и нет ощущения, что от пленки идут испарения недомытого тела и что вы способны двинуть в поддых. Наоборот. Вы поете непальскую песенку, а мне вспоминается детская книжка «Сказки далеких островов и стран». Там по ходу дела раскрывается розовый лотос, и из него выходит девушка — наверное, такая же, как вы. Не говорю уж про песню «Круговорот»: там и камин, и декольте, как у Натальи Пушкиной, и палантин из страусовых перьев. И никакого ощущения маскарада, словно вы всегда только в этих перьях и ходили. Так что вы, Рая, непоследовательны.

— Стало очень модным слово «имидж». Он ныне нужен и политикам, и телезвездам. Но я уверена, что человек с имиджем рождается. Да, Мадонна себя сконструировала и выстроила. Ну а Лайза Миннелли? А Эдит Пиаф? Высший пилотаж, высшая роскошь в искусстве — это, по-моему, выразить себя и свое. Я это пытаюсь делать, и мне не хочется жить на сцене не свою жизнь, прикидываться кем-то, а не собой. А песни на стихи больших поэтов пою, потому что их люблю, я среди них выросла. У меня мама пишет стихи и песни — их пели Ротару, Леонтьев, Як Йола. Но не надо упрекать артистов, если они поют песни не на тексты классиков. Классика скрывает и композитора, и исполнителя. Обратите внимание: музыка на слова большого поэта всегда играет подчиненную роль, всегда слабее стихов. И певцу трудно показать себя на фоне ахматовского текста — дай Бог, не испортить, донести.

— А вот вы, получается, жертвуете собой и композитором.

— Я пою разные песни. В некоторых слова совсем простые, композитору есть где разгуляться, и мне тоже. Вот песня «Моя воскресная жена», моя мама написала слова, они совсем простые. И можно попрыгать, поиграть мелодией, голосом.

— Но эта песня ведь на английском языке, то есть вас учили еще и английскому. Кстати, Рая, чему вас еще учили?

— Больше всего — музыке. Я окончила музыкальную школу, музыкальное училище, дирижерско-хоровое отделение, а в прошлом году — Музыкальную академию имени Гнесиных. По эстраднему вокалу. Я училась долго.

— Когда вы снялись в кино в последний раз?

— Вы, наверное, видели по телевизору фильм «Мама Роза». О мальчишке-полунегре, из тех, кого зовут «дети фестивалей». У меня там роль девушки-мулатки.

— Я помню, это был хороший, пронзительный фильм. Но вы, конечно, не мулатка. А кто вы, Рая? Откуда у вас такой разрез глаз, такая фамилия? Может, неудобно об этом спрашивать, но...

— Да ради Бога. Я по отцу непалка. Мама совсем молоденькой вышла замуж за непальского студента, сына имама, мусульманского священнослужителя. Мне было семь лет, когда мы из Непала уехали.

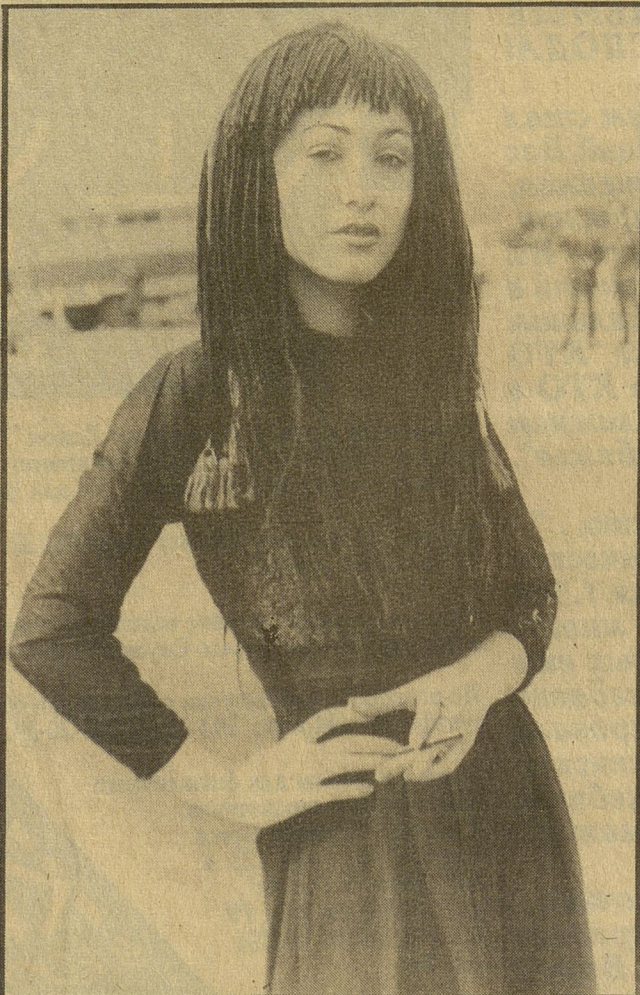
— Но вы знаете язык, раз поете непальские песни?

— Ну, насчет языка — это сильно сказано. Хотя пою. Меня разыскивали в Москве непальские студенты, один из них написал специально для меня песню, которая в Непале стала шлягером. Я и сестра бываем в гостях у отца.

— А кто он?

— Да недавнего времени был губернатором восточного штата страны.

— И нет соблазна уехать?

— Еще какой соблазн! И даже не один.

— А еще какой?

— Мне там сделал предложение известный непальский режиссер. У них ведь, если женщина понравилась, ее не соблазняют, а зовут в жены. Отец в свое время сразу же предложил руку и сердце маме. А этот человек — мне. И обещал, что сделает меня кинозвездой.

— А какое у них кино?

— Похоже на индийское.

— И вам хочется в нем сниматься?

— А что? Можно петь, танцевать. И ничему плохому такой фильм не учит.

— А режиссер симпатичный?

— Не то слово!

— И что же вам мешает принять его предложение?

— То, что мои отношения с этой страной, с мамой, с сестрой тоже определяются словом «любовь». И еще мне мешает история моей мамы. Она ее описала в повести «Смерть пионерки», которая опубликована в пробном номере журнала «Русская виза». Я боюсь, что у меня получится судьба-цитата.

— А ваша сестра какая?

— Мы с Фаиной очень разные, хотя друг к другу очень привязаны. У нее семья, дочка. Пение — что-то вроде хобби. Хочет — поет, не хочет — не поет. Мне кажется, у нас с ней хороший, гармоничный дуэт.

— Ее так же школили, как вас, или, как к младшей, к ней были снисходительнее?

— Фаину бесполезно учить. Есть такие люди — им не следует учиться. Все, что им в жизни нужно, они знают и умеют от природы. Конечно, и ее учили, помню, на скрипке, на флейте. Но Фаина и без флейты замечательно проживет. А я без работы с ума схожу.

— У вас есть ансамбль?

— Был. Но сегодня мне его не прокормить. Нужен очень честный, умелый продюсер, нужен спонсор...

— Как же вы поете?

— Под «минус один».

— Это как?

— Под фонограмму оркестра.

— Кстати, Рая, а почему вас чаще слышишь по радио, чем по телевизору? Я раньше думала, что у вас проблемы с фотогеничностью, хотя сейчас вижу, что смотреть на вас так же приятно, как слушать.

— Ну тут все очень просто. На радио другая система, там в эфир идет то, что нравится редакторам. А на телевидении за то, чтобы тебя показали, надо заплатить. А я просто петь не смогу, если мне же за мое пение надо платить. Ну и клипы теперь очень дороги.

— Но все же вас показывают?

— Потому что не все берут деньги. Вот в музыкальной редакции я работала с режиссерами Светланой Ильиничной Анапольской и с Талиной Колесник. Их интересовала, как и меня, только музыка.

— Рая, но неужели эти два из программы «2x2» своим ужасным пением так много зарабатывают, что могут оплачивать и клипы, и свое появление на телеэкране?

— У них есть друзья, мужья, спонсоры — те, кто хочет за них платить.

— То есть мы смотрим, бедные, не эстраду, а клиповые семейные альбомы, своего рода концерты по заявкам или — как это бывает в кабаке — оплаченные номера? «Наш дорогой гость с Кавказа хочет слышать свою любимую песню «Сулико»?

— Только в нашем случае он хочет слышать не любимую песню, а любимую певицу.

— Точнее — любимую девушку.

— Это его дело. Я никого не осуждаю. На Западе режиссеры, выполняющие ту же работу, получают во много раз больше...

— Так ведь на Западе и физик — ядерщик получает куда больше нашего. А лоточник, торгующий ширпотребом, у нас получает больше, чем они... Ладно, не замолкайте столь неприступно. Скажите, а кто вам нравится из артистов, работающих сегодня на эстраде?

— Группа «Альянс». Группа кабаре-дуэт «Академия». Андрей Мисин. Инна Желанная. — Совсем мне незнакомые имена. Неужели их так мало показывают потому, что нет спонсоров?

— ...Вайкуле, Шевчук, Пресняков — младший. Муромов Миша. Ранний Антонов. Ранняя Пугачева. Ранний Леонтьев.

— А почему ранние?

— Может, потому, что мне не нравится, когда люди стараются выглядеть моложе своих лет, хотя считается, что это большая доблесть. В каждом возрасте свои возможности, и не стоит, по моему скромному мнению, ими пренебрегать. Тем более что ни один человек от себя уйти не может, какой бы имидж не выстраивал. Все равно все видно. У меня, наоборот, есть одна песня, где героине тридцать лет...

— Старуха, что и говорить!

— Я репетирую возраст, который мне еще предстоит прожить...

Беседу вела Татьяна БЛАЖНОВА.